

ПОЛИТИКА АВГУСТА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Д. П. Калистов

(Посвящается академику С. А. Жебелесу)

В годы войн с Митридатом Евпатором и Фарнаком Северное Причерноморье впервые попадает в сферу римских внешнеполитических интересов. Тогда римлянам в первый раз пришлось вступить в непосредственное соприкосновение с миром варваров Восточной Европы, рабовладельческими городами северночерноморского побережья и Боспором, этим своеобразным греко-варварским государством, продуктом длительного сосуществования колонистов и туземного населения. Военные неудачи Помпея в борьбе с колхами и иберами на кавказском побережье¹, позднее — провал намеченного Цезарем плана утвердить на боспорском престоле своего ставленника Митридата Пергамского² показывают, на какие серьезные препятствия натолкнулись римские попытки подчинить своему влиянию эту страну. Однако тогда обе стороны не смогли полностью развернуть свои силы. Для римлян первые попытки проникновения в Северное Причерноморье совпали по времени с острым внутренним кризисом и гражданской войной, сковывавшими им руки в отношении внешнеполитической деятельности. Кроме того, Северное Причерноморье далеко не сразу стало самостоятельной проблемой для римской внешней политики.

Широко поставленная политикой Августа задача утверждения реальной власти над завоеванными ранее территориями и укрепления границ естественно должна была снова активизировать проблему подчинения Северного Причерноморья. Теперь она выступает уже в качестве вполне самостоятельной политической проблемы, органически связанной со всей системой римских внешнеполитических мероприятий на Востоке³.

Таким образом, в «век Августа» над Северным Причерноморьем вновь нависла угроза римского вторжения.

В античной историографии события, связанные с этим столкновением, сохранились в кратком изложении одного Диона Кассия (LIV, 24): «... на Боспоре Киммерийском произошел переворот. Некий Скрибоний, утверждавший, что он является внуком Митридата и получил царскую власть от Августа после смерти Асандра, взял в жены супругу последнего по имени Динамию, которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой

¹ Ср. ВДИ, 1938, № 2, стр. 284 сл.

² Там же, № 4, стр. 174 сл.

³ О римских внешнеполитических мероприятиях на Востоке см. А. Н e u s s, Die völkerrechtlichen Grundlagen d. röm. Aussenpolitik in rep. Zeit. «Klio», Beiheft XXXI, 1933, стр. 83 сл.; W. S c h u r, Die Orientpolitik des Kaisers Nero. «Klio», т. XV, гл. I и II, где дается обзор предшествующего периода; Н. D e s s a u, Gesch. d. röm. Kaiserzeit, 1930, т. II, часть 2-я, стр. 568 сл.; Т. В. M o m m s e n, R. G., V, 1885, стр. 295 сл.; САН, т. X, гл. IV сл. Там же см. новую библиографию.

Митридата, и старался захватить в свои руки Боспор. Узнав об этом, Агриппа послал против него Полемона, царствовавшего в Понте, что возле Каппадокии. Тот уже не застал в живых Скрибония, так как боспорцы, узнав об его замысле, уже раньше убили его; когда же они оказали сопротивление и Полемону из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в сражение и одержал победу, но не смог подчинить их себе до тех пор, пока Агриппа не прибыл в Синоп, как бы с целью итти на них походом. Тогда они сложили оружие и сдались Полемону; Динамия¹ же стала его женой, очевидно, по решению Августа.

Изложенные события Дион датирует консульством Марка Красса и Гнея Корнелия, соответствующим 14 г. до н. э. В рассматриваемое время на Боспоре действительно правила упоминаемая Дионом царица Динамия, внучка Митридата Евпатора и супруга также известного Диону (XLII, 46, 4) боспорского царя Асандра. Факт ее единоличного пребывания на боспорском престоле устанавливается четырьмя посвятельными надписями (IosPE, II, 354, 356; IosPE, IV, 201, 240) и золотым статером с ее именем¹. Следовательно, в этой части рассказ Диона не только не противоречит эпиграфическим и пумизматическим данным, но и существенно дополняет их, вполне правдоподобно объясняя, каким образом и почему власть перешла в руки Динамии. Не менее известно также и имя понтийского царя Полемона. Сын ритора Зенона из Лаодикеи, последний обязан своей исключительной карьерой целиком службе у римлян. Сначала он служил под началом у Марка Антония, у которого он достиг небывалых почестей, получив в свое управление три царства одно за другим². Как человек совершенно чуждый местным политическим традициям, Полемон, конечно, не мог иметь никаких оснований добиваться сохранения автономии Боспора или думать о каких-либо гарантиях его независимости от Рима. На Боспоре он выступает, таким образом, в роли агента римского правительства. Поэтому энергичное сопротивление, оказанное Полемону теми, кого Дион называет «боспорцами», следует расценивать как выступление, направленное против вмешательства римлян во внутреннюю жизнь Боспора, очевидно, вспыхнувшее под знаменем местной независимости. Но кто были эти «боспорцы», упорно не соглашавшиеся подчиниться Полемону и сложившие оружие только тогда, когда Агриппа со своими войсками уже достиг Синоп? Были ли это «греки Пантикапея», как думает Ростовцев³, или против римлян и их ставленника поднялись более широкие слои местного населения? Ответ на этот вопрос могут дать только данные эпиграфики, ибо, как уже указывалось, рассказ Диона является единственным литературным свидетельством об этих событиях.

¹ См. Орешников, Каталог собрания Уварова, стр. 68; Бурачков, Общий каталог монет, стр. 235.

Из перечисленных данных о Динамии только этот золотой статер и надпись IosPE, II, 356 (остальные надписи датированных указаний в себе не содержат) могут служить безусловными хронологическими вехами ее правления. На золотом статере ясно указан 281 год понтийской эры, соответствующий 17/16 гг. до н. э. Что касается надписи 356, то в ней в качестве посвяителя назван «народ агриппийцев» (ὁ δῆμος ὁ Ἀγριππῶν). Следовательно, эта надпись могла быть вырезана только после переименования Фанагории в честь известного полководца Августа, т. е., очевидно, уже после похода Агриппы к берегам Черного моря, в котором упоминает Дион (LIV, 24). О времени этого похода и переименовании Фанагории см. Орешников, «Нум. сб.», III, стр. 37 сл.; В. В. Лавров, Понты, стр. 101; Бек, SIG, II, стр. 163; Ростовцев, «Древности», XXV, стр. 14; ИАК, вып. 63, стр. 20, прим. 1; Ашик, Боспорское царство, т. I, стр. 41.

² В 39 г. — Киликию, в 36 г. — Понтий и в 33 г. — Малую Армению. См. Моттсен, «Ephemeris epigr.», I, стр. 274 сл.; ср. Орешников, Пифодорида и ее род («Изв. Тавр. уч. ком.», 1902, т. 34), где сведения основные источники.

³ Ростовцев, «Древности», т. XXV, стр. 13, прим. 12.

В фанагорийских и пантикапейских надписях этого времени имя царицы Динамии, занимающей такое видное место в рассказе Диона, все время сопровождается эпитетами *σώτειρα* (спасительница), *εὐεργέτης* (благодетельница) и неизменным *φιλορώμαιος* (римлянолюбивая), в сочетании с прямыми восхвалениями римлян¹.

В последующие годы посвяtitельные надписи аналогичного содержания, с восхвалениями римских императоров и терминами *φιλορώμαιος* и *φιλέκασαρ* в применении к посвяtitелям—боспорским царям, в северо-причерноморской эпиграфике встречаются очень нередко². Еще чаще их можно встретить, начиная с конца II в. до н. э., в эпиграфических памятниках целого ряда римских провинций и зависимых от Рима государств Малой и Передней Азии. С этого времени и особенно потом, в пору принципата, эти термины приобретают характер постоянно повторяющегося эпиграфического шаблона. Однако на Боспоре до рассматриваемого времени термин *φιλορώμαιος* встречается только один раз, именно в надписи IosPE II, 25 с именем все той же Динамии и ее первого супруга, боспорского царя Асандра. В годы жизни Динамии эти термины еще не утратили своего живого и конкретного содержания и были еще далеки от превращения в казенный трафарет позднейшей эпохи. В них следует видеть поэтому отражение конкретных событий, связанных при Августе с активизацией римской политики в Северном Причерноморье и изменением позиции боспорского правительства. В таком случае почетные эпитеты «римлянолюбивой» и «спасительницы» были присвоены Динамии, очевидно, не случайно, и она, повидимому, действительно способствовала своей политикой освобождению Фанагории и Пантикапея от грозивших им опасностей. Между тем, на этот промежуток времени, насколько позволяют судить имеющиеся источники, падают события, изложенные Дионом в 24 главе LIV книги. Следует думать, что только они и могли нарушить нормальное течение жизни на Боспоре и породить опасность для городов прибрежной полосы. Отсюда—основания для сближения рассказа Диона с содержанием городских надписей в одну группу источников, разнородных по форме, но отражающих один и тот же круг событий. Вмешательство Рима во внутреннюю жизнь Боспора, повидимому, породило такую волну ответного сопротивления, что она захлестнула и города прибрежной полосы. В создавшихся условиях опасность, о которой говорят фанагорийские и пантикапейские надписи, исходила, конечно, не от римлян, а наоборот, от тех сил, с которыми боролись сами римляне, т. е., говоря конкретно, враги Полемона и Агриппы были одновременно и врагами Пантикапея и Фанагории. При этом романофильская позиция рабовладельческих городов побережья весьма далека от случайных зигзагов внешнеполитического курса.

Особенно ярко это обнаруживается на примере Фанагории. Этот город первым активно выступил на стороне римлян против Митридата Евпатора (А р р., Mithr., 108). Потом на население Фанагории опирается Помпей, предоставивший городу автономию, чтобы создать из него своего рода противовес малонадежному, с римской точки зрения, правительству Фарнака (ibid., 113). Когда же Фарнак, осуществляя свой антиримский поход, подошел к Фанагории, жители даже перед лицом его туземных полчищ остались верными Риму и выдержали осаду (ibid., 120). Наконец, теперь фанагорийцы меняют древнее имя своего города на новое в честь полководца и личного друга Августа. Кстати сказать, подобным же образом поступили и жители Пантикапея. Предположение Орешникова³, основанное

¹ IosPE, II, 354, 356; IV, 201, 420.

² IosPE IV, 194, 204, 410, 421, 433, 437, 446, 447, 448.

³ Орешников, ук. соч., стр. 37 сл.

на совершенно определенных фактах в области нумизматики, о том, что и Пантикапей в это же время и, очевидно, в прямой связи с теми же событиями был переименован в честь Августа в Кесарию, с нашей точки зрения заслуживает полного признания.

Очень интересно, что на такой же романофильской позиции стоит в это время и третий городской центр прибрежной полосы. В одной херсонесской надписи (IosPE, I², 704), приурочиваемой также ко времени пребывания в Северном Причерноморье Полемона¹, последний называет себя «спасителем» (σωτήρ) херсонесцев. Очевидно, некая опасность, аналогичная той, какая угрожала Фанагории и Пантикапею, встала и перед Херсонесом. Та же надпись, из которой, к сожалению, сохранились лишь три начальные строки, проливает некоторый свет и на направление, откуда исходила угрожавшая городу опасность, ибо из четвертой ее строки сохранились слова: ... Βοσπόρου σπι... Если сопоставить это отрывочное упоминание Боспора с херсонесской надписью этого же времени (IosPE, I², 419), где уже совершенно определенно указано, что чествуемый стоял «во главе вспомогательного отряда, посланного царю Полемону», делается совершенно очевидным, что Херсонес был втянут в события, происходившие в это время на Боспоре, и активно в них участвовал. Переживаемый момент невольно напоминает о том, что уже раз было во время походов Диофанта, когда под угрозой общей опасности (исходившей от варваров) херсонесцы ходили вместе с ним на помощь пантикапейцам². Потом этот факт солидарности между рабовладельческими городами побережья повторяется в период последнего выступления Евпатора. Под влиянием общего страха перед следующими за ним полчищами мзотийских варваров все города единодушно поддерживали тогда Фанагорию, восставшую под знаменем перехода на сторону римлян (A p r., Mithr., 108). Теперь та же общая опасность толкает их к Риму и заставляет на разные голоса, но в общем единодушно прославлять римлян как своих спасителей.

Из всех этих данных с совершенной неоспоримостью вытекает, что «боспорцы» Диона Кассия, с которыми, опираясь на прибрежные города, вступил в борьбу Полемон, ни при каких обстоятельствах не могли быть «греками Пантикапея»³. Такое предположение встало бы в явное противоречие с нашими источниками и здравым смыслом. Не могли же, в самом деле, «греки Пантикапея» привести в трепет господствующие слои городского населения доброй половины побережья и одновременно заставить Агриппу со всеми своими силами спешно устремиться к Синопе. Совершенно очевидно, что под «боспорцами» тут следует видеть широкие слои туземных подданных боспорского государства. В таком именно смысле встречается этот термин у Страбона. В одном же месте (XI, 2. 10) он прямо говорит, что «все подвластные боспорским правителям» (в том числе, конечно, многочисленные «варварские племена», часто фигурирующие в титулатуре боспорских царей) «называются боспорцами».

Итак, совокупные данные эпиграфического и литературного характера показывают, что предпринятая при Августе попытка активизировать римскую политику на Боспоре нашла сочувствие и поддержку в прибрежных городах и непримиримое противодействие со стороны широких слоев туземного населения. Вся восточная часть Северного Причерноморья была охвачена антиримским движением. Массы туземцев устремились на

¹ Помимо комментариев Латышева см. ИАК, вып. 63, стр. 19 и Сборник в честь Уваровой, стр. I; ср. Ф. Ф. Соколов, «Труды», стр. 638 сл.

² См. IosPE, I², 352. Ср. комментарии к этой надписи С. А. Жебелева, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, № 3(4), стр. 49 сл.

³ Ростовцев, «Древности», т. XXV, стр. 13, прим. 12.

рабовладельческие города прибрежной полосы, справедливо видя в них форпосты римлян.

В создавшихся условиях боспорскому правительству, в лице Динамии, пришлось отказаться от поисков компромисса и прямо выбирать тот или иной лагерь. Приведенные выше надписи устраняют всякие сомнения в характере этого выбора, хотя наличный материал не позволяет надлежащим образом установить конкретную обстановку и время, когда это произошло. По Диону, в исходной части его рассказа, Динамия безусловно еще пользуется поддержкой и популярностью среди туземных подданных боспорского государства. В их глазах с именем Динамии, очевидно, все еще продолжала связываться смелая и независимая политика ее деда и отца. Именно поэтому все претенденты на боспорский престол, начиная со ставленника Цезаря, Митридата Пергамского¹, и кончая Скрибонием и Полемоном, так усиленно добивались ее руки. Заслуживает внимания то, что у Диона выступление боспорцев против Скрибония прямо связано с его посягательством на власть Динамии. Однако именно это место в повествовании Диона отличается особенной неясностью. В его интерпретации Скрибоний выдает себя одновременно и за внука Евпатора и за посланца Августа, санкционировавшего его власть над Боспором. Между тем, за истекшие со времени выступления Митридата годы ожесточенной борьбы против римлян за его династией успела прочно утвердиться определенная репутация, исключавшая романофильское направление. Сам Дион, очевидно, чувствует эту противоречивость, ибо в своей характеристике Скрибония он намеренно противопоставляет его Динамии, которая, по его словам, «действительно» была дочерью Фарнака и внучкой Митридата. Не менее странным рисует Дион и поведение самого Скрибония, зачем-то вступившего в брак с очень уже немолодой Динамией. Если этот брак имел чисто политическое значение связи с прежней популярной династией, а только так его и можно рассматривать, для чего он понадобился Скрибонию, который как «внук Митридата» и так уже принадлежал к его роду? К сожалению, выяснение всех этих вопросов не может выйти за пределы критики показания Диона, ибо кроме него имя Скрибония встречается только один раз у Лукиана. В его рассказе «О долговечных» (о долговечии боспорского царя Асандра) кратко упоминается о борьбе Асандра со Скрибонием и сражении, во время которого часть воинов Асандра перешла на сторону Скрибония. Переход этих воинов к Скрибонию, по словам Лукиана, так огорчил Асандра, что он, «воздержавшись от приема пищи, умер, прожив 93 года» (Масгов., 17). Таким образом Лукиан дополняет Диона только указанием на то, что выступление Скрибония начинается еще при жизни Асандра. Эта в конце концов мало существенная подробность несколько не облегчает выяснения главного вопроса, который не может не встать при анализе текста Диона, а именно: почему боспорцы, поднявшие оружие против Скрибония, с неменьшей энергией и упорством выступили и против Полемона. Казалось бы, если посланный Агриппой Полемон явился помогать боспорцам в их борьбе против Скрибония, он должен был бы предстать перед ними в роли союзника, но отнюдь не врага. В такой же мере неясно, почему сам Агриппа так энергично реагировал на какие-то внутренние смуты на далеком от него Боспоре.

Все эти соображения заставляют прийти к выводу о наличии какой-то путаницы у Диона, повидимому, обусловленной ненадежностью его первоисточников. Так или иначе, но период пребывания Динамии у власти, повидимому, по крайней мере дважды прерывался: однажды—Скрибонием и в другой раз—Полемоном. Очевидно, только во второй раз Динамия окон-

¹ См. ВДИ, 1938, № 4, стр. 176 сл.

чительно порвала с традиционной политикой своей династии, ибо, в противном случае, ее брак с Полемоном, на котором настаивал Август, потерял бы для римлян всякий политический смысл.

В самом намерении римского правительства соединить таким путем своего ставленника со старой династией нельзя не видеть стремления к известному рода компромиссу. Антиримское движение на Боспоре, очевидно, приняло такие размеры и такой опасный для римлян характер, что Август оказался вынужденным сделать попытку к примирению и при посредстве этого брака рассчитывал перекинуть мост между сторонниками римлян и теми слоями туземного общества, для которых имя Динамии все еще продолжало оставаться символом боспорской независимости. Существенным, однако, для исхода всего этого предприятия явился, конечно, не этот брак, а военные действия на территории Боспорского государства, поддержка, оказанная Полемону прибрежными городами, и концентрация римских военных сил в Малой Азии (под главенством Агриппы) и на Дунае¹. Только при этих условиях римлянам в конце концов удалось достигнуть своей цели, и Полемон был водворен на боспорском престоле. Однако этот достигнутый с затратой таких усилий результат оказался весьма непрочным. По всем признакам Полемону удавалось удерживать за собой власть только ценой непрерывных военных действий против не желавших ему подчиниться туземцев. Характерно, что эти военные действия велись исключительно в районах, удаленных от главных городских центров Боспора, т. е. там, где жили племена, наименее подвергшиеся влиянию античной цивилизации и связанной с ней системы общественных отношений. Так, Страбон (XI, 2, 3; р. 493) сообщает о походе Полемона против полуварварского Танаиса, закончившемся разгромом этого окраинного пункта боспорской территории². На основании другого упоминания Страбона об утверждении власти Полемона над Колхидой (XI, 2, 18; р. 499) можно заключить об его походах и в этом направлении. Наконец, в XI, 2, 11 (р. 495) Страбон рассказывает о том, как Полемон «хотел напасть под прикрытием дружбы» на «аспургиан», но был встречен войском последних, «попался живым в плен и был убит». Так закончилась эпопея, связанная с именем этого предприимчивого понтийского царя, которого римское правительство так усиленно навязывало местному населению.

В современной литературе давно уже был поставлен и вызвал значительные разногласия вопрос о том, кто такие были «аспургиане», убившие Полемона³. Эти разногласия были порождены, прежде всего, тем, что

¹ О дислокации римских военных сил в это время см. В. F i l o w, Die Legionen der Provinz Moesia. «Klio», VI, 1906; W. P f i t z n e r, Gesch. d. röm. Kaiserlegionen von Augustus bis Hadrianus, 1881, стр. 4 сл.

² О походе Полемона на Танаис см. B r a n d i s, Bosphoros (RE, III, 779); M i n n s, Scythians and Greeks, стр. 567 сл.; Н e r r m a n, Tanais (RE, IV, A, 2168); С. А. Ж е б е л е в, Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, стр. 37 сл.

³ Кеке («Опис. муз. Кочубея», т. II, стр. 309 сл.) считал аспургиан особым народом сарматского происхождения, зашедшим из Персии; Сибирский (ЗОО, т. X, стр. 61 сл.) — размножившимся царским родом, ведущим свое начало от последнего Перисада; Брандис (RE, III, Bosphoros, стр. 780) — только политическими сторонниками Аспурга (вопрос об этнической принадлежности он оставляет открытым); В. В. Латышев — частью мзотов, получивших это имя оттого, что помогали Аспургу в войне против Полемона (Почткă, стр. 103); Ростовцев (ИАК, вып. 10, стр. 15) первоначально высказал предположение, что аспургиане — дружина царя Аспурга, состоявшая из фракийских наемников, но в дальнейшем как будто отошел от этого мнения. Так, в статье «Бронзовый бюст боспорской царицы» («Древности», т. XXV, стр. 17) он говорит уже не о фракийской дружине, а о дружине, которую Аспург «вывел с берегов Азовского моря или из глубины Сарматии и впоследствии поселил, в награду за оказанную против Полемона помощь, на лучших землях Тамани».

вопрос об аспургианах до сих пор обычно рассматривался вне связи с общей обстановкой, сложившейся тогда на Боспоре. Упускалось из виду, что особенности этой обстановки явились прямым следствием нового вмешательства римлян во внутреннюю жизнь Боспора, позиции прибрежных городов и перехода прежнего боспорского правительства, в лице Динамии, на сторону Рима. Без учета же всех этих особенностей в новой расстановке борющихся сил столкновения между отдельными претендентами на боспорский престол утрачивают свое социально-политическое содержание. При такой постановке вопроса в предположении Ростовцева об аспургианах, как наемной дружине Аспурга, на первый взгляд не содержится ничего такого, что явилось бы резким противоречием остальным данным. Между тем, принимая предположение Ростовцева, мы тем самым логически должны были бы прийти к выводу, что Аспург, вынужденный опереться на чужеземных наемников, не нашел достаточной поддержки в своей борьбе против Полемона и римлян в среде местного населения. Отсюда вытекало бы, что широкие слои местного населения оказались на положении пассивных созерцателей событий, происходивших помимо их участия. В таком случае все движение против Полемона и римлян пришлось бы свести к личным честолюбивым устремлениям одного Аспурга. Помимо того, что такой вывод прямо противоречил бы всему тому, что уже было установлено выше о туземной оппозиции римлянам, осталась бы совершенно непонятной также и энергичная военная деятельность самого Полемона, «антиварварское» направление которой не может возбуждать никаких сомнений.

Переходя к существу вопроса об «аспургианах», следует, прежде всего, отметить, что это имя встречается, помимо Страбона, только в надписях уже III в. н. э.¹ У Страбона же оно фигурирует в следующей связи: «В состав мэотов, — говорит он, — входят синды, дандарии, тореты, агры, досии и многие другие. К ним же относятся и аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгиппией на (пространстве) 500 стадий» (XI, 2, 11; p. 495). В другом месте (XII, 3, 29; p. 556) Страбон, повторяя, что Полемон «окончил свою жизнь среди так называемых аспургиан», указывает, что они были «из числа варварских племен около Синдики». Н. Я. Марр², основываясь на анализе этих текстов и ряде филологических соображений, утверждает, что *ἀσπουργίανοι* «морфологически не входят ни в одну из категорий, по которым можно было бы распределить, на основании формальных данных, наличные, приурочиваемые к тому же району этнические названия». Поэтому он связывает этот термин с именем Аспурга. Действительно, Страбон нигде прямо не упоминает аспургиан среди перечня варварских племен Меотиды и Синдики. В первом из приведенных текстов он соединяет их с этим перечнем выражением *σὸντων ὄριστι καὶ οἱ Ἀσπουργίανοι* (в их число входят, или к ним относятся, и аспургиане); во втором — к имени аспургиан прибавляет *καλοῦμενοι* — «так называемые», причем конструкция фразы позволяет заключать, что аспургиане включены в «варварские племена около Синдики» по политическим, а не этническим признакам. Последнее с совершенной ясностью вытекает из того, что Страбон помещает перечисляемые варварские племена на том же самом пространстве в 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией, что и своих аспургиан. В паптикапейской надписи (IosPE, II, 36) того же времени, воздвигнутой в честь Аспурга, в перечне подвластных этому царю племен встречаются те же страбоновские синды и тореты, но аспургиане не упоминаются, хотя, казалось бы, в надписи, посвященной Аспургу,

¹ IosPE, II, 29, 430, 431.

² «Древности», т. XXV, стр. 27 сл.

упоминание об аспургианах, если бы таковые действительно представляли собой особое племя, было бы совершенно обязательным.

Итак, существуют все основания утверждать, что аспургиане—не этническое наименование, но термин, обозначающий политических сторонников Аспурга. Вместе с тем, из текста Страбона следует, что эти сторонники и единомышленники Аспурга принадлежали к варварским племенам Таманского полуострова¹ или жили на территории, находившейся в зависимости от Боспора². Следовательно, мы вправе заключить, что после измене Динамии знамя борьбы против Рима не было выпущено. Оно только перешло в другие, оказавшиеся более надежными, руки Аспурга, тоже, по всем признакам, принадлежавшего к старой династии Евпатора. В пантикапейской надписи IosPE II, 36 он назван происходящим от царя Асандроха. Можно согласиться с мнением Брандиса³, что тут имела место ошибка резчика и что в этом Асандрохе следует видеть искаженное имя Асандра, или присоединиться к другому предположению, что Асандр—грецизация сарматского или полусарматского имени Асандроха⁴, но как в том, так и в другом случае существо вопроса не меняется. Дело в том, что помимо указанной надписи существуют и другие данные, удостоверяющие тот же самый факт принадлежности Аспурга к прежней династии⁵.

Опираясь, подобно Митридату Евпатору, на широкие слои туземного населения, Аспург смело продолжал борьбу против римлян и их ставленника Полемона до тех пор, пока не добился победы.

При наличных данных наших источников почти невозможно ответить на вопрос, как долго продолжалась эта борьба и при каких условиях Аспург завладел боспорским престолом⁶. Одно несомненно: через некоторый промежуток времени, после того как Полемон был убит туземными союзниками Аспурга, последний стал царем Боспора и подвластных ему племен⁷. При этом в источниках совершенно отсутствуют даже самые отдаленные и косвенные намеки на какие-либо репрессивные мероприятия против Аспурга со стороны римлян. Отсюда, как будто, все основания

¹ Ср. Л а т ы ш е в, *Почти́а*, стр. 103.

² Фразу Страбона о том, что Полемон напал на аспургиан «под прикрытием дружбы», следует, с нашей точки зрения, воспринимать как официальное обозначение зависимости ряда племен от боспорского государства. В данном случае Страбон, видимо, заимствовал и перевел на греческий язык латинское *amicitia*, имевшее совершенно определенный смысл в системе римского государственного права. Об этом см. работу А. Н e u s s, *Die völkerrechtlichen Grundlagen der röm. Aussenpolitik*. «Klio», т. XXXI (N. F., N. 18), 1933, стр. 78 сл.

³ RE, III, B r a n d i s, Bosporos, стр. 788.

⁴ Р о с т о в ц е в, «Древности», XXV, стр. 16, прим. 2.

⁵ Дион Кассий (LX, 8) говорит, что Митридат II вел свой род от знаменитого Митридата Евпатора. Между тем, Тацит (Ann., XII, 18) указывает на то, что этот Митридат—брат Котиса. Последний же в ряде надписей (IosPE, II, 32, 37; IosPE, I², 38) и на монетах (см. Б у р а ч к о в, Кат., стр. 250) уже совершенно определенно именуется сыном Аспурга. Ср. M i n n s, *Scythians and Greeks*, стр. 596 сл.

⁶ В литературе по этому вопросу существует ряд предположений. Ростовцев («Древности», XXV, стр. 14 сл.) и Миннс (*Scyth. and Gr.*, стр. 594 сл.) полагают, что после Полемона на Боспоре некоторое время продолжает царствовать Динамия, тогда как Латышев (*Почти́а*, стр. 101) высказал предположение, что она умерла еще до второго брака Полемона. Бертье-Делагард (300, т. XXIX, стр. 198 сл. и 191 сл.), очевидно, соглашаясь с Латышевым, думает, что Боспором правит наследница и вдова Полемона, понтийская царица Пифодорида, но Брандис (RE, III, Bosporos, стр. 788), основываясь на Страбоне (XII, 3, 29), подчеркивает, что Пифодорида царствовала только в Малой Азии. Такое же разнообразие взглядов существует и по вопросу о годе смерти Полемона. См. Л а т ы ш е в, *Почти́а*, стр. 101, прим. 2, где сведена литература. Разбор всех этих в большей или меньшей степени гадательных предположений не имеет принципиального значения для целей настоящей статьи и, кроме того, едва ли привел бы к определенному результату.

⁷ Последнее с совершенной неоспоримостью вытекает из надписи IosPE, II, 364, датированной, правда, уже 313 годом боспорской эры (16 г. н. э.), и IosPE, II, 36.

для вывода о полном провале римского плана включить Боспор в число подвластных или зависимых от Рима территорий. Однако такой вывод был бы несколько преждевременным.

В двух известных нам боспорских надписях с именем Аспурга он назван: в одной *φιλορώματος* (IosPE, II, 364), а в другой даже *φιλόκαισαρ* (другом цезарей) (IosPE, II, 36).

Далее, период пребывания Полемона у власти, повидимому, не прошел для Боспора бесследно. Об этом прежде всего говорят изменения в области боспорской нумизматики, мимо которых нельзя пройти. Дело в том, что еще в 16 г. до н. э. Августом была объявлена римская государственная монополия на выпуск золотой монеты¹. Запрещение выпускать на местные рынки золотую монету, конечно, ощущалось как тяжелое бремя. Поэтому на Востоке зависимые от Рима цари всячески стремились обойти этот закон, на что в Риме, в конце концов, стали смотреть сквозь пальцы². Но Полемон, как послушный агент римского правительства, свято соблюдал это предписание. Золотые монеты его чекана и даже второй жены его Пифодориды не встречаются ни на Боспоре, ни в Понте. Даже серебряная его монета считается весьма редкой³. И вот, после насильственного устранения Полемона, золотая монета хотя и появляется вновь на Боспоре, но традиционные изображения портретов боспорских царей с их именами и изображения божества на обороте исчезают. На обеих сторонах монет нового типа появляются головы римлян без надписей, но с замысловатыми монограммами⁴. Первые монеты этого рода датированы 289—304 годами боспорской эры⁵ (с 8 г. до н. э.). По мнению Бертье-Делагарда, разделяемому и Орешниковым, новые изображения представляют собой портреты Августа (на лицевой стороне) и Агриппы (на обороте)⁶. Такого рода изображения или, во всяком случае, чрезвычайно с ними сходные продолжают существовать и на других монетах вплоть до 311 г. боспорской эры, т. е. до 14 г. н. э.—года смерти Августа. Последнее обстоятельство, единодушно констатируемое, кроме Бертье-Делагарда, Бурачковым, Гилем и Латышевым⁷, лишний раз подтверждает правильность вывода о портретном изображении на монетах именно Августа. Трудно себе представить, чтобы прекращение чекана монет этого типа было случайно и не было связано с его смертью. В дальнейшем, хотя черты изображаемых на монетах голов меняются, но все они остаются безбородыми и коротко остриженными, т. е., иными словами, в полной мере сохраняют свой римский облик вплоть до 377 г. боспорской эры (80/81 гг. н. э.), когда на золотом с этой датой вновь встречается длинноволосая голова Рискунориды II⁸. Очень трудно отоже-

¹ См. Mommsen-Vlacas, Hist. de la mon. rom., III, стр. 6—7, 9, 482; Lenormant, La monnaie dans l'antiquité, III, стр. 399—401; Huitsch, Griech. und röm. Metr., стр. 301—305.

² См. Бертье-Делагард, 300, т. XXIX, стр. 155 сл.

³ Там же.

⁴ См. Орешников, «ИГАИМК», т. I, стр. 237, прим. 1; Бурачков, Кат. мон., стр. 238 сл. и табл. XXVI, 63 сл.; Гиль, «Зап. Русск. арх. общ.», т. V, 1892, стр. 353 сл. Фотоизображения всех основных типов монет этого рода приложены также к цит. соч. Бертье-Делагарда.

⁵ Изображение см. Бертье-Делагард, цит. ст., т. II, 35, 36, 37. Ср. там же, стр. 156, прим. I. Ср. Mommsen, Gesch. d. röm. Münz., стр. 702, прим.; Sallet, Beiträge zur Gesch. und Num. der Kön. d. sim. Bosp., стр. 69 сл.; В. В. Латышев, Понтия, стр. 105 сл.

⁶ Бертье-Делагард, цит. соч., стр. 171; ср. Орешников, «Нум. сб.», т. III, стр. 34.

⁷ Бертье-Делагард, цит. соч., стр. 166 сл.; Бурачков, Кат. мон., стр. 238 и «Тр. Моск. арх. общ.», т. X, стр. 63 сл.; Giel, Kl. Beitr., стр. 31 сл.; Латышев, Понтия, стр. 105.

⁸ После этого перерыва первым золотым, вновь с полным именем, титулом и изо-

ствить отдельные изображения на этих последующих монетных сериях с теми или иными представителями римской императорской власти послеавгустовского времени. Да это и понятно: вряд ли боспорские резчики могли располагать хорошими копиями с римских портретных оригиналов. Поэтому представляется весьма убедительным предположение Бертье-Делагарда об условном изображении римского императора на боспорских монетах. Изображение на монете делалось с расчетом не на портретное сходство, а на привычное, ставшее в глазах местного населения трафаретным представление об его образе. Еще больший интерес представляют собой наблюдения Бертье-Делагарда над весовым соотношением боспорской и римской монеты¹. При взвешивании целого ряда римских и боспорских монет Бертье-Делагард пришел к выводу, что при однородности номиналов римская монета всегда оказывалась несколько легче боспорской. В дальнейшем эта весовая диспропорция все время возрастает, причем хорошо известное общее явление постоянного понижения веса римской монеты каждый раз вызывало соответственное изменение в весе боспорской. При существовании этого постоянного лажа трудно себе представить, чтобы обращение римских и боспорских монет на одном и том же рынке могло получить достаточно широкое развитие. Монеты римского чекана, однородного номинала с боспорскими, но более легкие по весу, неизбежно должны были бы вытеснить из обращения боспорские как более тяжелые. Раз этого не случилось, мы вправе сделать вывод об относительно слабом распространении римской монеты в Северном Причерноморье². В таком случае причины отмеченных изменений во внешнем виде и весе боспорских монет следует искать не в области экономики, но, прежде всего, в политических взаимоотношениях между Римом и Боспором. И надписи, сочетающие имя Аспурга с эпитетами *φιλορώματος* и *φιλόβασιαρ*, и изображения римских голов на боспорских монетах, и связь в весовых изменениях обеих валют—все это, вместе взятое, заставляет прийти к выводу о возникновении между Римом и Боспором нового типа взаимоотношений, отразившихся на финансовом суверенитете боспорского государства. Но как примирить эту перемену с уже известными нам фактами насильственного устранения Полемона восставшими сторонниками Аспурга? Как объяснить переход Аспурга и его сторонников от состояния открытой и победоносной борьбы против римлян и их ставленника к тому положению, которое вытекает из приведенных выше нумизматических и эпиграфических фактов?

При полном молчании наших источников о каких-либо новых акциях римского правительства на Боспоре возможно только одно предположение, а именно: что между восставшими и Римом, уже после победы Аспурга, состоялось мирное соглашение договорного характера.

Так как упоминания Страбона об аспургианах являются единственным свидетельством античных авторов, относящимся к Аспургу, а в боспорской эпиграфике приведенными выше двумя надписями³ данные о нем

бражением боспорского царя, считается монета Рискупорида II, датированная 377 г. босп. эры (80—81 гг. н. э.). См. ее фотоизображение, ЗОО, т. XXIX, табл. IV, 87.

¹ Бертье-Делагард, цит. ст., стр. 207 сл.

² См. А. Н. Зограф (ИГАИМК, т. VI, вып. IV, стр. 8 сл.), который констатирует слабое распространение римской монеты и в Ольвии до II в. н. э. Очевидно, в торговых сделках того времени использовалась преимущественно местная валюта.

³ Кроме указ. IosPE, II, 36 и 364 и IosPE, II, 32 и 37, где Аспург упоминается в качестве отца Котиса, Латышев восстанавливает его имя в Херсонесской надписи IosPE, IV, 147. Но от последней надписи до нас дошли только следующие три слова: βασιλεύς, Ἰσπερίωνος... βασιλεὺς... .

также исчерпываются, вопрос о содержании предполагаемого соглашения и времени его заключения может быть освещен только на основании косвенных данных.

В «*Monumentum Ancyranum*» содержится следующее место¹: «Нашей дружбы просили через послов бастарны, скифы, цари сарматов, находившиеся по эту сторону реки Танаиса и за нею, а также цари албанцев, иберов и мидян»². Упомянутые в надписи послы представляют именно те районы Черноморского побережья, которые, по Страбону, были ареной военной деятельности Полемона, местом его столкновений с аспургианами и его гибели. Между тем, в надписи *IosPE, II, 36* Аспург также назван царствующим над Боспором, Феодосиею, синдами, майтами, тарпитами, торетами, псисеами и танантами, подчинившим себе скифов и тавров, т. е. царствующим также над племенами, обитавшими *citra et ultra flumen Tanaim*. Если теперь сопоставить эти данные со всем тем, что уже было выше выяснено об этническом составе антиримского движения, то будут основания предположить, что в числе безымянных царей анкирской надписи мог подразумеваться и Аспург вместе с его туземными союзниками. В глазах римских составителей текста такого исключительного содержания его имя легко могло раствориться в именах тех народов Черноморского побережья, взаимоотношения с которыми имели решающее значение для римского государства. Таким образом предполагаемое мирное соглашение, по всем признакам, состоялось еще при Августе.

Что касается содержания предполагаемого соглашения, то самая формула «*amicitiam petere*», широко распространенная во внешнеполитической практике Рима, не должна пониматься буквально. Было бы несомненной ошибкой толковать это выражение как признак капитуляции Аспурга, вынужденного просить мира и «дружбы» у Рима. Наоборот, в той же надписи *IosPE, II, 36*, в титуле Аспурга упоминаются племена, ранее неизвестные на территории, подвластной Боспору. Отсюда естественно напрашивается вывод о значительных успехах в завоевательной деятельности Аспурга, подчинившего себе тарпитов и торетов и оккупировавшего часть территории Таврики³. Ввиду таких успехов у римлян могло появиться достаточно оснований проявить инициативу к заключению мира. Последнее совпадает с общим духом политики Августа, с гордостью деклариовавшего трехкратное закрытие храма Януса за время его правления⁴. Кроме того, на этот же период времени приходится события на Дунае, которые потребовали значительной концентрации военных сил в этом районе и тем самым, очевидно, затруднили одновременную экспедицию на Боспор для продолжения войны. С другой стороны, мирный компромисс с Римом во многих отношениях мог совпадать с интересами самого Аспурга и его сторонников. Опыт предшествующих войн с Римом был в достаточной мере показательным, и на Боспоре не могли не предвидеть, какие опасности и потрясения сулит продолжение военных действий при наличии романофильских настроений в прибрежных городах.

Повидимому, единственной гарантией, которой сумело добиться римское правительство при заключении этого договора, было выделение Херсонеса из состава боспорской территории. По крайней мере Плиний (NH, IV, 85) в своем описании Таврики наряду с упоминанием шести *oppida*, до него неизвестных в составе боспорского государства, прямо указы-

¹ Цит. по «*Res gestae divi Augusti*» Th. Mommsen's а с его восстановлениями.

² «*Nostram amicitiam petierunt per legatos Bastarnae Scythaeque et Sarmatarum qui sunt citra flumen Tanaim et ultra reges, Albanorumque rex et Hiberorum et Medorum*». «*Mon. Ancyr.*», XXXI.

³ Ср. *Grandis, RE*, III, стр. 781 сл.

⁴ «*Monum. Ancyr.*», с. XIII.

вает, что римляне даровали Херсонесу свободу. Последнее подтверждается также отсутствием имени Херсонеса в перечне всех подвластных Аспургу территорий в IosPE, II, 36. Таким образом, предоставлением Херсонесу независимости римляне попытались, подобно тому как это некогда было сделано Помпеем в отношении Фарнака (A p p., Mithr., 113), создать известного рода противовес боспорскому царству Аспурга на юго-западных его границах. Но Херсонес этого времени едва ли мог претендовать на мало-мальски серьезное военное значение рядом с несравненно более сильным государством Аспурга.

В создавшихся условиях положение Боспора даже после соглашения с Римом, конечно, продолжало резко отличаться от того состояния почти полного подчинения, которое характеризует, например, зависимые от Рима государства на территории Малой Азии.

При незначительности военных сил Херсонеса, относительной отдаленности Боспора от римских границ и мест постоянной стоянки легионов, римское правительство могло изменить это положение только новой войной.

Все эти соображения позволяют прийти к выводу, что римское правительство выступает здесь далеко не в роли победителя, диктующего свою волю побежденному: оно все еще находится на положении контрагента при двухстороннем соглашении. Фраза Страбона (VII, 4, 7) о боспорских царях, которых назначили римляне (ὁὗς Ῥωμαῖοι χатаστήσαντι), не нашла подтверждения в фактах, известных из истории Боспора этого времени. Рим ни с какой стороны не явился для Аспурга источником власти. С другой стороны, тот же Страбон (VI, 4, 2) пространство «по ту сторону Истра» и до Танаиса, равно как и владения ахейцев, зигов и энихов на азиатской стороне не причисляет к составу зависимых от Рима территорий. То же можно найти и во II книге epitome Флора (II, 34), где в рассказе о посольстве скифов и сарматов к Августу оба эти народа, а следовательно, и территории, на которых они жили, названы независимыми от Рима (qui impunes imperii erant). Между тем, значительная часть этой территории совпадает с перечнем подвластных Аспургу земель в IosPE, II, 36. Следовательно, сами римляне, устами Флора, пересказывающего Тита Ливия, и устами Страбона, также, повидимому, базировавшегося в вопросах современного ему положения дел на источниках, близких к римским официальным кругам, не считали владения Аспурга зависимыми от Рима. Конечно, такого рода признание могло появиться уже после крушения первоначально задуманного плана. В так называемой карте Агриппы Sarmatia и Scythia Taurica были уже включены в IX раздел из общего числа двадцати четырех, на которые Агриппа подразделил всю римскую державу¹. Существование этого IX раздела является несомненным доказательством широких внешнеполитических замыслов правительства Августа. Для осуществления этих замыслов и были направлены на Боспор Скрибоний и Полемон. Но оказалось, что Агриппа несколько поторопился приравнять Северное Причерноморье к подвластным Риму странам.

В конце тридцатых и начале сороковых годов I в. н. э. снова был возрожден старый, восходящий еще к Помпею и Цезарю план подчинения Боспора путем водворения на боспорском престоле римского ставленника. В последнем обстоятельстве нельзя не видеть еще одного существенного аргумента в пользу высказанного мнения. Очевидно, порядок, установившийся на Боспоре после воцарения Аспурга и предполагаемого соглашения с Римом, отличался такими особенностями, которые продолжали внушать страх и недоверие римским политикам и, в конце концов, заставили

¹ См. S c h a n z, Gesch. d. röm. Lit. II, 1², стр. 285—292.

их снова поставить вопрос о пересмотре римско-боспорских отношений. Надо полагать, что Аспург и его политические наследники сумели сохранить независимость своей страны, только опираясь на значительные слои туземного варварского населения. Именно эта часть населения боспорской территории при столкновении с сильнейшим рабовладельческим государством древности оказалась способной не только сопротивляться, но и одерживать победы. С этой стороны сложившаяся на Боспоре обстановка во многих отношениях напоминает то, что происходило в это время и позже в западной части Европы. Там также в течение целого ряда столетий шла упорная борьба римского государства с варварами, продолжавшаяся до тех пор, пока они не «объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» (Сталин)¹. Благодаря работам Энгельса² мы знаем, что это была борьба двух систем, ибо только после победы варваров над Римской империей смогла восторжествовать новая и более прогрессивная система общественных отношений.

¹ «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 432. Ср. там же, стр. 412.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 131 сл.

